

**Рыболовный промысел в Донском бассейне
(по данным итальянских источников XIV–XV вв.)**

**Fishing in the Don basin
(according to Italian sources of the XIV – XV centuries)**

Перелетов Р.Н.

Научный сотрудник Елецкого городского краеведческого музея
e-mail: eletzmusei@mail.ru

Pereletov R.N.

Researcher of the Yelets City Local History Museum, Elets
e-mail: eletzmusei@mail.ru

Аннотация

Исследуется вопрос о товарообороте добычи рыбы в Донском бассейне (по данным итальянских источников XIV–XV вв.). Освещаются цены на рыбу, масштабы улова и поставки в Европу. Методы исследования: типологический, связанный с изучением информативных источников; статистический, позволяющий выделить функциональные группы товара; историко-диахронный, прослеживающий динамику рыбного промысла. Автор приходит к выводам, что цены на рыбу на рынке Таны продолжали оставаться дешевыми. Товар пользовался спросом на всем Черноморском рынке, не говоря уже о регионе Средиземноморья. Одними из поставщиков этого товара на рынок Таны могли быть русские поселения на Верхнем и Среднем Дону. Из числа их жителей могли частично формироваться команды рыболовецких артелей, сезонно работавших на итальянских негодантов по найму на всем протяжении реки Дон и по ее притокам.

Ключевые слова: рыбный промысел, цены на рыбу, Донской бассейн, Тана, генуэзцы, Крым, Азовское побережье.

Abstract

The author explores the turnover of fish production on the Don River in the Middle Ages. Analyzed Italian sources XIV-XV centuries. Covers the price of fish, the scale of its catch and supply to Europe. The author uses scientific research methods. These methods are typological, statistical, historical - diachronic. The author talks about cheap fish in the markets. This product was in demand. Russian residents from settlements on the Upper Don supplied fish to the market of the city of Tana.
Keywords: fisheries, prices for fish, the river Don, the city of Tana, the Genoese, the Crimea, the Azov coast.

Ко второй половине XI в. Византия окончательно утратила свое былое влияние в Европе. Более того, империя оказалась не в состоянии четко контролировать политико-экономическую ситуацию даже в регионе Восточного Средиземноморья. В немалой степени это обстоятельство предопределило экспансию западноевропейских феодалов на Восток, экспансию, получившую впоследствии название «эпохи крестовых походов».

Фактически уже с конца XI в., с первого крестового похода, итальянские негоданты на правах поставщиков морского транспорта и снабженцев крестоносных армий начали свои регулярные вояжи к ранее малодоступным берегам Леванта. И хотя экономическая активность итальянцев в бассейнах Черного и Азовского морей документально ярче всего прослеживается лишь в XIV–XV вв. их проникновение в этот регион по юридическим актам фиксируется еще в середине XII в. [16].

Первой итальянской торговой республикой, добившейся значительных успехов на этом поприще, стала Генуя. Уже в 1155 г. представители генуэзской республики св. Петра заключили первый торговый договор с Византийской империей. К 1169 г. генуэзцы добились

для себя от императора Мануила I Комнина еще большего – важнейшего хрисовулла, по которому им разрешалось плавать и торговать в Черном море. Византия в указанных договорах не гарантировала итальянцам какой бы то ни было безопасности за пределами византийских колоний, то есть в случае попыток установления ими прямых контактов с кочевниками причерноморских степей и Русью [2, с. 147-148]. Впрочем, учитывая начало массового паломничества русских в Иерусалим, итальянцам, вместе с крестоносцами, обеспечивавшим свободный доступ к христианским святыням Востока, подобных гарантий вовсе не требовалось [7, с. 617–648]. Что же касается половцев, контролировавших все главные дороги от побережья Черного моря на Русь, то торговцу всегда можно было с ними договориться как о свободном проезде, так и об охране от бандитов в пути [8, с. 45–46].

В 1204 г. в результате IV крестового похода, после падения Константинополя, под натиском направленных сюда Венецианской республикой св. Марка крестоносцев, началась эпоха противостояния политических и экономических интересов двух великих средиземноморских торговых республик. На некоторое время до середины XIII в. генуэзцы были вытеснены из региона и в крымской Солдае появились венецианцы. Но уже в 1261 г. при поддержке Михаила VIII Палеолога, возродившего Византийскую империю, генуэзцы вновь проникли в Крым, закрепились там и, как показала практика, на весьма длительный срок. Победа, казалось, осталась за ними. Впрочем, венецианцы не смирились со сложившейся ситуацией. Не оставляя попыток проникнуть в Крым, они сосредоточили свое внимание на создании колонии в устье Дона. Глобальные события, вызванные монгольским нашествием (1235–1242 гг.), существенно изменили к этому времени всю экономическую географию Восточной Европы. Стратегическое значение устья реки Дон в связи с этим чрезвычайно возросло. Оно позволяло венецианцам установить прямой контроль над торговлей Золотой Орды с Западной Европой и Северной Африкой, а также над регионом Донского бассейна и тем самым контролировать торговые связи Юго-Востока русских земель в указанных направлениях. В начале 30-х годов XIV в. в постановлениях венецианского сената стало появляться название Тана.

Через Тану в огромных количествах проходили самые разнообразные товары. По постановлениям сената республики св. Марка транспортировка всех видов грузов через эту колонию тщательно регламентировалась. Многочисленные документы торгового права, сохранившиеся в Государственном Эрмитаже и в Венецианской библиотеке, позволяют назвать рыбу одним из наиболее массовых товаров, вывозившихся из собственно региона Донского бассейна.

Флорентинец Франческо Балдуччи Пеголотти в своем знаменитом сочинении «Практика торговли», составленном между 1310 и 1340 г., описывая путь из Генуи и Венеции в Китай, оставил множество полезных рекомендаций будущим путешественникам. По мнению С.П. Карпова, рекомендации Пеголотти, бывшего коммерческим агентом флорентийского торгового дома Барди, который вел крупные финансовые операции в первой половине XIV в., носили действительно практический характер и были основаны на многолетних путешествиях, восходящих еще к первым удачным поездкам доминиканских монахов по указанному маршруту. Среди прочего Франческо Пеголотти советовал в Танае, являвшейся для венецианцев и всех итальянцев вообще главными воротами на Восток, запастись мукой и соленой рыбой. Мяса же в изобилии можно было закупить во всех местах по пути следования [6, с. 106-107]. Информация последнего автора тем более важна для нас, что, выделяя продовольственный рынок Таны, он совершенно игнорирует аналогичные волжские рынки, которые также должны были проезжать путешественники из Европы в Китай, а значит, цены там стояли гораздо выше, хотя объемы добычи рыбы наверняка не уступали донским. Предположение о том, что итальянцы не знали цен на рыбу на волжских рынках, например, в том же Хаджитархане (Астрахани), безосновательно, так как во второй половине XIII–XV вв. они постоянно присутствовали в этом и в других городах Поволжья [11, с. 109-116; 17, с. 205; 19, с. 74-76].

Для высшей аристократии и крупного капитала Венеции главный интерес в торговых операциях с Левантом сосредоточивался на редких и дорогостоящих товарах Востока. Однако целый ряд постановлений сената республики свидетельствует о том, что к рыбе Донского бассейна у итальянцев также имелся серьезнейший экономический интерес. Цены на рыбу на рынках Таны были настолько низкими, что Венецианская республика святого Марка принимала даже меры для ограничения дальнейшего их падения в интересах, в первую очередь, собственных купцов, проживавших в этом городе. По распоряжению сената республики от 1 июня 1392 г. государственным галейм линии (специальным вооруженным караванам для перевозки стратегических грузов из Венеции в черноморские колонии и обратно – П.Р.) запрещалось грузить на свой борт осетровых по пути из Азовского моря в Тану, после того как они пройдут населенный пункт Плану [5, с. 118]. При этом, с 60-х гг. XIV в. Сенат практиковал на галейх линии вывоз осетровых из Таны, чтобы избежать недогрузки судов. Такая практика сохранялась довольно долго. Например, 27 июня 1431 г. две из пяти галей Таны получили разрешение грузить осетров и соленую рыбу [5, с. 13].

Сами же владельцы судов, патроны кораблей, использовавшихся в караванах галей, были настолько заинтересованы в погрузке и перевозке осетровых из Таны, что шли даже на правонарушения. В 1363 г. один из патронов галей Таны был оштрафован за перевозку соленых осетров в помещении для хранения оружия, что было не только грубейшим нарушением условий хранения товара, предусмотренных в специальных регламентах, но и привело к скрытой перегрузке корабля, мешающей управлению им. В дополнение к выше сказанному, товар не имел *bulleta*, свидетельства таможенных чиновников с обозначением количества, качества и цены провозимого груза, а значит – являлся контрабандой [5, с. 119]. Таким образом, капитан корабля подвергал себя и команду тройному риску. Перегруженное судно могло элементарно утонуть во время даже самого незначительного шторма, лишенный оружия экипаж не смог бы сражаться в случае нападения пиратов, наконец, контрабандный груз (что в итоге и произошло) мог быть конфискован таможней в любом порту, а на владельца корабля наложен крупный денежный штраф. Только очень высокая прибыль в случае удачной торговой операции могла стать причиной такого риска.

Следует отметить, что рыба не относилась венецианцами к категории *sottili*, то есть к легким и дорогим товарам, для которых преимущественно и предназначалась организация специально охраняемых государственных караванов из быстрых и маневренных, но имевших сравнительно малый тоннаж парусно-весельных галей. Под эту категорию товаров попадали, прежде всего, драгоценные металлы и камни, дорогие сорта сукна и материй, златотканые и шелковые ткани, красители, пряности, головки сахара, мед, воск, меха. Рыба, как и зерно, мука, лес и другие тяжелые и более дешевые грузы *grosse* преимущественно перевозились на менее скоростных и имевших большее водоизмещение «круглых» парусных судах типа гата, кокка или нава (другое более раннее название – неф). Для погрузки рыбы на корабли этого типа не требовалось специального разрешения Сената.

В актовых документах нотариусов Таны Кристофоро Риццо и Донато а Мано (1411–1419 гг.) фигурируют интересные упоминания крупных сделок на предмет перевозки и хранения рыбы из Таны. В качестве пунктов назначения, куда должен был быть доставлен товар, перечисляются не только Константинополь, но и Негропонт (на острове Эвбея), Венеция, Кандия (столица острова Крит), Корон и Модон (города Пелопонесского полуострова, именовавшегося в то время Морей и являвшегося до возрождения Византии частью Латинской империи или Латинской Романии), встречаются упоминания городов Востока – Астрахань, Дербент, Ургенч. Судя по всему, наибольшим спросом на средиземноморских рынках пользовались осетры, белуга и икра.

Наиболее показательным является документ № 6 из актов Кристофоро Риццо, который содержит в себе соглашение от 5 июня 1413 г. «между патронами трех нав вояжа Таны сером Дарио Малипьеро, сером Эрмолао Буоно, и сером Якобо ди Джирардино, гражданами Венеции, проживающими там же, в том, что фрахт в Тане будет ими взиматься на следующих равных условиях: по 6 дукатов за раба или рабыню до Венеции, по 6 дукатов за вегету

белуги, за центенарий осетров – по три с половиной дуката до Венеции, по 6 дукатов за каждый миллиарий шкур до Венеции и по 20 каратов – до Романии. Капитан, нарушивший соглашение, подлежал штрафу в 200 золотых дукатов» (Талызина, 2000, с. 28-29). Характер документа наводит на мысль о том, что перечисленные в договоре товары являлись наиболее востребованными на рынках Средиземноморья и в то же время были наиболее частым грузом тяжелых транспортных кораблей, плававших из Таны в Венецию.

Рыба в документе измеряется в вегетах и центенариях. Вегета – крупная весовая единица, применявшаяся при измерении больших партий товара и водоизмещения кораблей. Вес вегеты достигал примерно около полутонны или 526,67 кг [6, с. 137]. Центенарий или кентинарий, вероятно, представлял собой у итальянцев то же самое, что и кантар или кантарий, то есть весовую единицу, равную примерно 50 кг (по некоторым данным 47,56 кг) [4, с. 82-83]. В одной вегете было примерно 11 центенариев. При сумме фрахта 6 дукатов за вегету и 3,5 дуката за центенарий сумма фрахта за осетров превышала сумму фрахта за белугу в 6,4 раза. Надо полагать, что такая значительная разница в ценах за перевозку была связана с особенностями товара.

Начнем с того, что белуга – это тоже рыба из семейства осетровых, но только очень крупных размеров. При длине от одного до двух метров средний вес белуги достигает ста двухсот и более килограмм, иногда попадаются экземпляры, достигающие длины 4-5 метров и веса до 1 тонны. Белуга, кроме того, проходная рыба, нередко встречающаяся в бассейнах Каспийского, Азовского, Черного и Адриатического морей. А значит, ловля ее могла вестись и в непосредственной близости от берегов Венеции, что уже само по себе делало белугу дешевле прочих сортов осетровых. В то же время средний вес стерляди, другой рыбы из семейства осетровых, при длине чуть более полуметра равен примерно 1–2 кг. Встречаются экземпляры весом до 4–8 кг, в исключительных случаях самые большие особи при длине 1,5 м достигают 17 кг. Подчеркнем, что речь в договоре явно идет о рыбе, пригодной для длительной транспортировки, то есть не сырой, а специально обработанной, копченой или, что вероятнее всего, сушеной. После потрошения и усушки (следует помнить, что икру консервировали и продавали отдельно) вес одного экземпляра мог падать в несколько раз, а значит, в килограмме сушеной стерляди могло быть от 2 до 5 особей.

Разница в величине особей объясняет, почему вес белуги исчислялся в вегетах, а вес осетров (мы практически убеждены, что речь в данном случае идет именно о стерляди) в более мелких центенариях. Розничная продажа небольших рыб, несомненно, шла гораздо быстрее продажи огромных туш белуги, и, таким образом, гораздо быстрее приносила реальную прибыль. Наконец, стерлядь относится к пресноводным речным рыбам, добыча которой не могла вестись на морском побережье. В эпоху Средневековья стерлядь часто встречалась в Донском бассейне, а для венецианцев она должна была относиться к категории редких деликатесов.

Еще надо полагать, что при длительной транспортировке часть рыбы неизбежно портилась, а итальянские круглые суда-навы, о которых идет речь в документе, отнюдь не отличались быстротой перевозок. Не случайно торговцы, перевозившие с помощью этих кораблей рабов, жаловались Сенату республики на высокую смертность последних из-за длительных стоянок и малой скорости передвижения [5, с. 118, 136]. К слову сказать, 15 августа 1413 г., то есть, спустя 40 дней после заключения первого договора, корабли Дарио Малипьеро и Эрмолао Буоно все еще стояли на рейде Таны [12, с. 29-30]. Порченую рыбу нужно было немедленно выбрасывать, пока процесс гниения не уничтожил весь товар. И, конечно же, любая выброшенная туша белуги несла большие потери для общего объема груза, чем туша стерляди, что также должно было сказываться на стоимости перевозки этих товаров.

К сожалению, трудно сказать какой процент от стоимости груза взимали капитаны кораблей за перевозку товаров в данном случае. Вообще же, суммы фрахта за различные товары на кораблях Венеции в XIV–XV вв. колебались от 0,5 до 5 % от стоимости груза [5, с. 116-142; 20, с. 230-240]. С течением времени наблюдалась тенденция к некоторому их увеличению. Маловероятно, чтобы в специальном соглашении патроны кораблей стремились сни-

зять свои доходы, поэтому сумма фрахта за перечисленные в договоре товары вряд ли была меньше 3% от их стоимости. Подобный фрахт за перевозку разносортных товаров венецианские корабельщики ввели периодически. Если исходить из этих расчетов, то в 1413 г. на городском рынке Таны цена килограмма белуги могла составлять 0,44 дуката, что равнялось примерно 24 золотоордынским дирхемам, а цена килограмма стерляди достигала 2,8 дуката или 179 золотоордынских дирхемов.

Залоговый документ № 105 Донато а Мано от 23 августа 1417 г., составленный для Джованни ди Таработи из Модона и Франческо Тальяпетра из Таны, упоминает целых 3000 осетров и трех русских рабов, оставленных последним под 180 соммов Таны или 566 дукатов 6 гроссов ад аурум. Вероятнее всего, речь здесь идет о постоянно существующем в городе складе, трудно представить, чтобы такое количество рыбы было доставлено заимодавцу на дом или в контору [9, с. 105-106].

В других документах Кристофоро Риццо и Донато а Мано присутствуют данные о тоннах икры, белуги, осетров и прочей рыбы, грузившихся в Тана на упомянутые выше навь и кокки для транспортировки на дальние средиземноморские рынки. Таковы, например, договоры между Георгием Мамоной и Григорием ди Монаяни на фрахт навь «Санта Мария», или заказ Лоренцо дель Ньено из Виченцы серу Николето ди Готи на получение причитающегося ему груза осетров, белуги и икры [9, с. 105–106; 12, с. 26–27].

Договоры фрахта предусматривали возможность выгрузки по желанию купца части или всего товара в любом порту на пути следования, что говорит о высоком спросе на донскую рыбу в собственно черноморском регионе. Большая часть нотариальных актов подписана итальянцами, гражданами Венеции. Последнее обстоятельство вовсе не исключает из торговых операций прочее население Северного Причерноморья. Дело в том, что нужда в услугах нотариуса возникала у торговцев только при заключении долгосрочных договоров и в первую очередь на фрахт кораблей с целью дальнейшей транспортировки товаров или для написания разного рода завещаний. Местные торговые сделки, осуществлявшиеся в течение дня, не требовали обязательного подтверждения в конторе юриста.

Однако вернемся к документу № 105. Опубликованный сравнительно недавно, он, по нашему мнению, заслуживает особого внимания и посему имеющийся на сегодняшний день перевод его текста должен быть процитирован полностью: «23 августа 1417 года, Тана. Джованни ди Таработи из Модона признает, что получил от благородного мужа Франческо Тальяпетра 18 штук ткани *bastardi* на сумму 180 соммов Таны или 566 дукатов 6 гроссов ад аурум, за которые он должен предоставить 95 бочек вина по 6 дукатов за бочку, и оставляет в залог 3000 осетров и трех русских рабов».

Прежде всего, следует сказать, что упомянутые в документе денежные единицы венецианско-ордынской фактории Нижнего Дона Таны, судя по всему, были адаптированы к внутреннему рынку Золотоордынского государства. Венецианские соммы Таны восходили к ордынским саумам, то есть серебряным платежным слиткам Золотой Орды, вес которых колебался в районе 200 г. Разница в теоретическом и реальном весе саумы могла, по оценке Г.А. Федорова-Давыдова, достигать веса от 10 до 20 г серебра [17, с. 222; 18, с. 64–65, 68–70]. Дело в том, что на территории Золотой Орды нередко практиковалась переплавка монет в слитки и наоборот, что приводило к угару и утере первоначального веса серебра. По установлению Сената Венецианской республики святого Марка аналогичные слитки Таны должны были весить строго 45 *saggio* или 233,25 г, а чеканившиеся из них в количестве 202 штук и соответствовавшие золотоордынским дирхемам монеты-аспры должны были весить от 1 до 1,2 г [1, с. 57-58]. Таким образом, чистый вес 180 соммов Таны должен был равняться 41 кг 985 г серебра.

Сумма за 95 бочек вина при цене 6 дукатов за бочку соответствует 570 дукатам. Гроссы ад аурум – новая денежная единица лиры так называемого «золотого стандарта», примерно соответствовавшая 0,7 дуката. Сумма 566 дукатов 6 гроссов ад аурум явно свидетельствует о том, что стоимость поставленных тканей была выше стоимости обещанного вина на 0,2 дуката. Заимодавец, судя по всему, закрывал глаза на эту незначительную финансовую поте-

рю, поскольку его партнеру предстояло понести еще большие потери, оплачивая не только товар, но и транспортные расходы, а также таможенные и специальные пошлины на торговлю вином. Разница учитывалась для определения суммы залога, который временно покрывался другими товарами. Если принять, что реальный курс дуката по отношению к танскому сомму соответствовал договорному, и договаривающимися сторонами учитывалась разница в стоимости поставленных и заказанных товаров, то в 1417 г. весу золота в 3,5 г, содержащегося в одном дукате Венеции, равнялся вес примерно 73,63 г серебра с примесями содержащегося в сомме Таны. При этом следует помнить, что поскольку сделка заключалась в соммах, а не в аспрах, перечекивавшихся из соммов, то потеря серебра при перечекивке в расчет, вероятнее всего, не бралась. Цифры сделки позволяют также установить примерный уровень инфляции валюты Таны на 1417 г. Показательно, что в период расцвета торговли венецианской Таны в середине XIV в. сомму соответствовали 4,2–4,5 дуката. В начале же XV в. за него давали лишь 3,1–3,2 дуката, соответственно, дукат к этому времени равнялся примерно 64 аспрам. Торговля Таны после целого ряда экономических потрясений и погромов постепенно приходила в упадок, а соответственно падали в цене экспортируемые из нее товары и ее валюта.

К сожалению, из документа трудно прямо вывести цену каждого из названных в нем товаров. Впрочем, эта цена может быть установлена гипотетически. В своих расчетах мы первоначально исходили из следующих условий сделки. Один торговец получил от другого товар (ткани) на вышеназванную сумму. В ответ он должен поставить товар, которого в Тане еще нет. Будут ли выполнены обязательства неизвестно. Поставке товара реально могли помешать активировавшиеся в начале XV в. в Средиземноморье пираты, и заимодавец временно получает от должника другие товары на ту же, как мы полагаем, сумму. Ровные пропорции в ключевых цифрах сделки (180 соммов, 3000 осетров, 3 раба) первоначально навели нас на мысль о соответствии цены 3 рабов цене 3000 осетров. Таким образом, цена одного осетра в Тане 1417 г. могла равняться примерно 6,997 г серебра, что соответствовало 5–6 аспрам Таны или 5–6 ордынским серебряным дирхемам различного чекана.

На этом фоне поражает цена одного раба, достигавшая 95 дукатов Венеции или 30 соммов Таны, что соответствовало не менее чем 7 кг серебра. Такая сумма кажется просто невероятной. Известно, что осенью-зимой того же 1417 г. сам Донато а Мано лично посетил Венецию, где продал рабыню-татарку по имени Суэр за 90 золотых дукатов. Трудно представить, что искушенный нотариус продал товар по цене меньшей или равной его закупочной стоимости. Значит, расчет по пропорциям является не верным. В 1414–1416 гг. цены на рабов на рынках Таны по документам все того же Донато а Мано колебались от 150 до 500 безантов за голову в зависимости от возраста, пола и ряда других параметров. Дукат Венеции в эти же годы равнялся примерно 8,11 безанта Таны. Наиболее частой ценой за раба или рабыню была цена около 300–400 безантов или 37–49 золотых дукатов. 3 мая 1415 г. один из клиентов Донато а Мано по имени Джорджо Дзане в залог суммы, равной примерно 30 дукатам, оставил своему торговому партнеру рабыню-черкешенку. Мы считаем, что общая стоимость каждого из трех русских рабов в аналогичной сделке 1417 г. вряд ли превышала эту сумму, а значит, из 570 дукатов залоговой суммы на рабов приходилось максимум 90 дукатов. Таким образом, стоимость 3000 осетров должна исчисляться в 480 дукатов или 30 720 аспров-дирхемов. Соответственно, цена одного осетра будет равняться не менее чем 10–11 аспрам или дирхемам.

Надо полагать, что товары, оставляемые в залог, ценились несколько ниже их рыночной стоимости. Сумма 10 аспров за осетра, в этой связи, могла равняться закупочной цене рыбы, по которой торговцы брали ее у рыбаков, а не цене этого продукта на рынке города. Как и в документе № 6 Кристофоро Риццо под осетрами, скорее всего, подразумеваются особи стерляди, причем, несомненно, сушеной. В силу всего вышесказанного и с учетом различных погрешностей, допущенных нами в расчетах, разница между ценой килограмма сушеной стерляди в 1413 г. (179 аспров-дирхемов) и ценой одной особи той же рыбы в 1417 г. (выше мы уже говорили, что на килограмм могло приходиться до 5 особей) не будет суще-

ственной. Если за эти три-четыре года стоимость рыбы на рынке Таны как-нибудь изменилась, то изменения эти произошли в сторону дальнейшего падения цен. Цены на осетровых на остальной территории Донского бассейна, по которым их скупали торговцы Таны у местного и в том числе древнерусского населения в верхнем и среднем течении реки, должны были быть еще более низкими. О дешевизне всей прочей рыбы, не относившейся к категории дорогостоящих деликатесов, нам остается только догадываться.

Иосафат Барбаро, венецианский предприниматель, путешественник и дипломат XV в. в своем знаменитом «Путешествии в Тану» также оставил нам весьма показательную информацию, позволяющую пролить свет еще на одно обстоятельство в организации ловли и экспорта рыбы из Донского бассейна. Естественным в свете всего перечисленного был бы вопрос о том, кто же являлся основным поставщиком рыбы на рынок Таны, если ввоз ее со стороны Азовского моря ограничивался постановлениями Сената Венецианской республики св. Марка. Конечно, в первую очередь, рыбу ловили на месте. Сам Барбаро владел пескьерами (специально построенными ловлями) на Дону около места, называемого Бозагаз, и посещал их, поднимаясь вверх по реке либо на лодке, либо зимой на саях (*zena*) по льду. Но он же рассказал о том, как были разрушены эти ловли приблизившейся к Дону и переправлявшейся через него близ Таны во время сезонной перекочевки Татарской ордой. Рыбаки, работавшие на этих ловлях, рассказали, как татары забрали всю заготовленную за зиму соленую и несоленую рыбу, похитили все бочонки с икрой и запасы доставлявшейся из Крыма соли, разнесли сложенные здесь доски и разломали специальные мельницы для размола крупной соли. Один из товарищей Барбаро, предвидя эти убытки, велел закопать глубоко в землю свои бочки с икрой, но и таким образом не спас этого товара: и у него все было похищено [1, с. 43-44, 144-145].

Из указанного отрывка ясно, что подобные хищения рыбы татарами были явлением регулярным. Но, тем не менее, цены на рыбу на рынке Таны продолжали оставаться невероятно дешевыми, и этот товар продолжал пользоваться огромным спросом на всем Черноморском рынке, не говоря уже о регионе Средиземноморья. Именно поэтому логичным с нашей точки зрения предположением является то, что достигалась подобная дешевизна за счет поставок рыбы со всего региона Донского бассейна. Одними из поставщиков этого товара на рынок Таны должны были быть русские поселения Верхнего и Среднего Дона. Из числа их жителей могли частично формироваться команды рыболовецких артелей, сезонно работавших на итальянских негодантов по найму на всем протяжении реки Дон и по ее притокам. Какая-то часть этих рыболовов могла проникать и на побережье Азовского моря. Сами же татары рыбу систематически не ловили, о чем еще в XIV в. писал Гильом Рубрук [10, с. 107–108]. Обратим внимание на тот факт, что в последней четверти XIV в. на Правобережье Верхнего Дона зарождается Елецкое княжество [13], и организацией выгодного рыбного промысла могла заниматься русская администрация, археологические реалии которой в виде боярства и дружины в последние годы выявлены раскопками [14; 15].

Литература

1. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. /Вступ. ст., коммент. и пер. Е.Ч. Скржинской и М. Михайловского. – М.–Л.: Наука, 1971. – 275 с.
2. Бибииков М.В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. – СПб.: Алетейя, 1999. – 320 с.
3. Воротынцев Л.В. Лесостепное пограничье Днепро-Донского региона в XV- первой половине XVI вв.: от «контактной зоны» к «территории страха» // *Filo Ariadne*. – 2018. – № 1. – С. 108–118. URL: filoariadne.esrae.ru/11-203 (дата обращения: 23.10.2018).
4. Еманов А.Г., Попов А.И. Итальянская торговля на Черном море в XIII – XV вв. //Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Межвузовский сборник научных трудов. – Ростов-на-Дону: Изд-во Р-н-Д ГПИ, 1988. – С. 76–87.
5. Карнов С.П. Путиями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской Республики в XIII–XV вв. – М.: Наука, 1994. – 158 с.

6. *Карпов С.П.* Латинская Романия. – СПб.: Алетейя, 2000. – 256 с.
7. *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 784 с.
8. *Перелётов Р.Н.* К вопросу об обстоятельствах и причинах русско-половецкого конфликта 60-х – 70-х годов XII века // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича: Сборник материалов. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. Вып. 5. – С. 43–47.
9. *Прокофьев Н.Д.* Акты венецианского нотариуса в Тане Донато а Мано (1413-1419) // Причерноморье в средние века. / Под ред. С.П. Карпова: Вып. 4. – М., СПб.: Алетейя, 2000. – С. 105–106.
10. *Рубрук Г.* Путешествие в Восточные страны. 3-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. – М.: Мысль, 1997. – 460 с.
11. *Стеценко Е.Д.* К истории Волго-Донского междуречья (По материалам археологических исследований Нижнего Поволжья XIX – начала XX в.) // Восток. – 2003. – № 3. – С. 108–122.
12. *Талызина А.А.* Венецианский нотариус в Тане Кристофоро Риццо (1411-1413) // Причерноморье в средние века /Под ред. С.П. Карпова: Вып. 4. – М., СПб.: Алетейя, 2000. – С. 28–29.
13. *Тропин Н.А.* Елецкая земля в XII-XV вв. – Елец: ЕГПИ, 1999. – 147 с.
14. *Тропин Н. А.* Исследования микрорайона сельских поселений XIV- начала XV вв. в нижнем течении р. Пальна округа летописного Ельца //История: факты и символы. – 2013. – № 1–2. – С. 10–16.
15. *Тропин Н.А.* Повседневные вещи жителей владельческого села второй половины XIV-первой половины XV вв. елецкой округи //Русский сборник. – Брянск: БГУ. – 2016. – С. 144–150.
16. *Федоренкова С.В.* Торговые маршруты Днепровского Левобережья в X- начале XIII вв. на примере русского участка пути Булгар – Киев: историографический аспект // 10 корпус. – 2018. – № 4. – С. 30–33.
17. *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 252 с.
18. *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. – М.: Палеограф, 2003. – 352 с.
19. *Шарапова З.М.* Торговые связи Золотой Орды в XIV–XV вв. // Историко-краеведческие записки. Вып. 3. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1975. – С. 69–80.
20. *Шитиков М.М.* Накладные и транспортные расходы и уровень прибыли венецианского купечества в Византии в первой половине XV в. (по данным книги счетов Джакомо Бадоеера) // Проблемы экономического и политического развития Европы в Средние века и античную эпоху. Уч. зап. - Вып. 294. – М.: МГПИ, 1969. – С. 225–249.